

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

Сборник статей
XXXII Международной научной конференции
(25–27 октября 2022 г.)

Ответственный редактор
доктор педагогических наук, профессор С.К. Гураль

Томск
Издательство Томского государственного университета

2022

4. Летова А.М. Семантические особенности фитонимов в русском фольклоре : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 22 с.
5. Янценецкая М.Н. Семантические вопросы словообразования: производящее слово. Томск: Изд-во Том.ун-та, 1991. 272 с.
6. Дубровина С.Ю. «Ласточкина трава» в славянских этнокультурных представлениях // Славянские языки и культуры в современном мире : Международный научный симпозиум. Труды и материалы / под общ. руков. М.Л. Ремнёвой. М., 2009. С. 216–217.
7. Бондарко А.В. Теория грамматического значения и аспектологические исследования Ленинград: Наука, 1984. 279 с.
8. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Тамбов : Изд-во Тамб. ун-та, 2000. 123 с.
9. Щербак А.С. Основные типы ономастических концептов (на материале региональной концептосферы) // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2009. № 10. С. 169–175.
10. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999. 896 с.

С.Ю. Суханова, М.А. Ларютенко

Национальный исследовательский Томский государственный университет

ЛАТИНСКИЙ ТЕКСТ В РОМАНЕ М. ШИШКИНА «ВЗЯТИЕ ИЗМАИЛА»

THE LATIN TEXT IN NOVEL “THE TAKING OF ISHMAEL”

BY M. SHISHKIN

Аннотация. Статья посвящена выявлению художественных функций иностранного текста в романе Михаила Шишкина «Взятие Измаила» (1999). Выделены способы организации латинских цитат, слов и терминов в нарративном плане произведения, которые отражают повествовательную манеру автора использовать в наррации латинский текст, являющийся неотъемлемой частью художественного мира романа.

Abstract. The article is devoted to the identification of the artistic functions of a foreign text in Mikhail Shishkin's novel “The Taking of Ishmael” (1999). The ways of organizing Latin quotations, words and terms in the narrative plan are highlighted, which reflect the author's narrative manner of using the Latin text in the narrative, which is an integral part of the artistic world of the novel.

Роман Михаила Шишкина «Взятие Измаила», опубликованный в 1999 г. в журнале «Знамя», вызывает у исследователей и читателей интерес в плане исследования внутренней художественной структуры этого произведения.

Нарративный план романа является многоуровневым, насыщенным повествовательными инстанциями, находящимися в тесной взаимосвязи друг с другом и формирующими многообразие точек зрения в тексте. Это, например, адвокат начала XX в. Александр Васильевич, супруги Мария Дмитриевна и Евгений Борисович Д., автобиографический персонаж Михаил Павлович Шишкин и др.

Исследования данного художественного произведения связываются со спецификой языка автора, изображения им речи и текста внутри художественного произведения, использования иностранного текста (латинского и итальянского), ведь, как отмечают исследователи, «для прозы М. Шишкина характерны нелинейность повествования, интертекстуальность, коллажность» [1. С. 186]. В поэтике автора наблюдается особое отношение к Слову как основе все сущего – вещей, людей, событий, и как к способу преодоления реальности, гармонизации бытия. Исходя из данного понимания концепций Слова и состоящего из слов Бытия, анализ произведений Шишкина необходимо изучать с обращения к нарративному плану – изображенной речи и текста.

Повествовательный план романа является дискуссионным в современном литературоведении и критике. Т.Л. Рыбальченко отмечает, что «текст романа М. Шишкина „Взятие Измаила“ (1999) представляет собой пастиш, сплетение словесных фрагментов, даже не монтаж, а постоянное немотивированное перетекание словесных фрагментов, принадлежащих разным субъектам, стилизующим разные культурные дискурсы (Древний Египет, греческая и римская античность, русское язычество и церковное письмо – до современных языковых штампов), разные

типы речи (ораторская риторика, научное классифицирующее описание, деловое протокольное письмо, повествование, поток сознания), разные жанры» [2. С. 65]. На этом фоне большого количества дискурсов выделяется латинский, использованный автором в данном произведении в разных художественных функциях через разнообразие формы и способы.

Различные языки – русский, старославянский, латинский, итальянский, немецкий, швейцарский, английский и др. – включены в роман, так как полидиалектность свойственна повествовательной манере Шишкина (постмодернизм с его цитатностью и интертекстуальностью). Языки взяты не случайно, по замыслу автора, они являются неотъемлемой частью художественного мира его романов и нужны для выполнения творческих задач автора. Язык в романах Шишкина сам является главным героем, поэтому автор создает для него весь остальной мир и наполняет его знающими языки и культуру героями.

Нарративный план почти каждого из героев включает латинский текст. Например, адвокат Александр Васильевич в своей речи использует много юридических, медицинских терминов и античных риторических высказываний, про которые мы скажем далее. А сам автор романа и его автобиографический персонаж связаны со сферой образования, в частности с лингвистикой, литературой, что говорит об их знании латинского языка, использовании его в произведениях и речи. Так, в роман входят темы римского права и юриспруденции, образования, изучения и использования в жизни различных языков, как родного, так и иностранных, и медицины.

В тексте романа мы можем выделить различные функции латыни. Во-первых, это характеристика героя, его кругозора, области деятельности и профессии и др. Те герои, которые в своей речи используют латинские слова и выражения, в сюжетном плане романа обладают высоким уровнем образования (например, юридическое или медицинское, где изучался латинский язык). Автор делит своих героев на группы в зависимости от того, как они относятся к иностранному языку, латыни и античной культуре в целом.

Нами выделяется три группы персонажей. Первая – это герои, относящиеся к культуре и языкам, непосредственно напрямую использующие в своей наррации иностранные слова и цитаты, связанные со Словом, т.е. взаимодействующие с миром через язык и текст, знающие иностранные языки, свою культуру и других народов, вписанные в общемировой и современный им культурный контекст (адвокат Александр Васильевич, или Гиперид, его отец Василий Александрович, земец Евгений Борисович Д., Соня, Владимир Павлович Мотте, Михаил Павлович Шишкин). Вторая – опосредованно связанные с языками и культурой, знающие хорошо только один язык (русский), не способные полноценно вести коммуникацию, искажающие слова и смысл слов (Мария Дмитриевна Д. и ряд второстепенных персонажей). И третья – герои, речь которых представлена в произведении недостаточно развернуто, но включает латинский текст, что не дает возможности окончательно определить их отношения к античной культуре (следователь Истомин, Юрьев, рыжая девушка с косой).

Во-вторых, латынь характеризует субъекта речи, т.е. по использованию в наррации латинского текста мы можем определить того, кто произносит речь или ведет повествование – герой-адвокат или другой герой, автобиографический герой или сам автор.

В-третьих, через язык отражается способ познания реальности, саморефлексию как автора, так и героев романа. Латынь важна для мировосприятия, ведь вводятся размышления над сферами права, суда, медицины, культуры, образования. Знания героев не ограничиваются языком, добавляются античная литература, риторика, право и др.

В-четвертых, может создавать контекст и помогать читателю в восприятии произведения. Например, эпиграф с латинской цитатой перед указанием на то, что весь текст – это лекция, вводит нас в сферу образования, а также показывает, что наррация ведется с точки зрения сознания лектора.

Высказывание античного ратора – *Narratio est rei factae, aut ut factae, utilis ad persuadendum expositio*. *Quintilianus* ‘Рассказ обстоятельств дела есть правдивое изложение дела или того, что выдается за правду, с целью убедить слушателя. Квинтилиан’ (лат.) [3. С. 7], использованное автором в качестве эпиграфа и переданное почти полностью из книги «Риторические наставле-

ния», является эпиграфом не ко всему роману в целом, а к лекции героя, Александра Васильевича, которая обозначается подзаголовком до эпиграфа («Лекция 7-я»). Оно отражает важнейшую художественную идею писателя – язык и текст первичен по отношению к жизни, т.е. отражает способность человека с помощью языка влиять на события или действия и, можно сказать, моделировать время, пространство и ситуации. Эта мысль также появляется и в самом романе в речи формально использующего языка героя: «Мы – лишь форма существования слов. Язык является одновременно творцом и телом всего сущего» [3. С. 259].

Способы вплетения латинских цитат, слов и терминов в канву произведения напрямую зависят от выполняемых художественных функций. Они передаются автором неоднородно: в полной или краткой форме, словом в оригинале (латиницей) или калькированным на русский язык, без перевода или с подстрочным примечанием, правильно или с некоторыми ошибками. Далее мы проанализируем репрезентативные случаи данных вариантов использования латинского текста.

Латинские лексические единицы могут передаваться полностью и отражать высокий уровень знания героя, как, например, эпиграф или ещё одна цитата Квинтилиана из «Риторических наставлений», использованная и добавленная автором в текст в оригинале и в следующем предложении переведенная на русский язык – «О свидетелях Квинтиллиан сказал просто: нужно сначала понять, что он за человек, и действовать в соответствии с этим. *Timidus terreri, stultus decipi, iracundus concitari, ambitiosus inflari, longus protrahi*. Так и нам, друзья, ничего не остается, как робкого застрашать, глупого одурачить, раздражительного распалить, пространного еще больше растянуть. Вот и приходится играть с ними в кошки-крысы» [3. С. 223].

А также в краткой форме в зависимости от художественной задачи, поставленной автором. Например, известное высказывание Тита Флавия Веспасиана *verba volant, scripta manent* ‘слова улетают, написанное остается’ (лат.) сокращено автором – «Слово не обух, возразят нам, в лоб не бьет, или, попросту говоря, *verba volant*» [3. С. 236] с целью возможного восстановления полного смысла и интерпретации самим читателем, а также отражает специфику понимания автором смыслов, заключенных в русских и латинских словах. Так, латынь вместе со старославянским для автора и героев являются «идеальной» формой воплощения смыслов Бытия, нормативно и полностью отражающей реальность, в отличие от русского, наполненного экспрессивными, сложными, метафоричными смыслами.

Или один из постулатов римского права *nullum crimen sine poena, nulla poena sine lege, nullum crimen sine poena legal* ‘нет преступления без наказания, нет наказания без закона, нет преступления без законного наказания’ (лат.) использован в краткой форме и включен в речь Александра Васильевича, чтобы передать понимание героем ситуации, его способность сопоставлять явления жизни и их языковое воплощение в латинских цитатах, а также юридический контекст восприятия сюжета данного фрагмента: «Другое дело слова. Что там было с этой дамочкой на самом деле – никто никогда не узнает, да и какая разница, но вот Урусов рассказывает, как подзащитная снимала платье через голову и волосы зацепились за крючок – и оправдание становится неизбежным. Так в чем же тут его вина? *Nullum crimen, nulla poena sine lege!* Нельзя облагать наказанием деяние, в момент совершения по закону не наказуемое» [3. С. 8].

Встречаются латинские высказывания, взятые автором из известных литературных произведений, таких как сатиры Деция Юния Ювенала и «Энеида» Публия Вергилия Марона. Рассуждая на тему воровства, Александр Васильевич упоминает такую цитату – «Грех воровать, говорит народная мудрость, да нельзя миновать, не было бы воров, не было бы дворов... <...> Да еще мало того что обворуют, так все норуют нагадить, очистят шкаф и повесят в нем кошку, выпотрошат ящик стола и бросят в него дохлую крысу, опорожнят буфет и там напакосят. А главное ведь – не знаешь, с какой стороны ждать. *Et quis custodiet custodes ipsos?* ‘А кто устережет самих-то сторожей?’» [3. С. 155].

В другом фрагменте один из героев романа Юрьев, включенный в сюжет супругов Д., сравнивает Марию Дмитриевну с античной богиней, используя цитату из «Энеиды» Вергилия о Венере, явившейся перед Энеем в образе земной девушки: «– Природа одарила вас, Мария

Дмитриевна, вкусом и инстинктом красоты, – продолжил он [Юрьев], заложив руки в карманы и становясь то на каблуки, то на носки. – Легкая небрежность в одежде придает вам особую прелесть, вы хорошо сложены, ваша неприступность – это то, что манит в женщине. Худая, гибкая, стройная, грациозная, с изящными, в высшей степени благородными чертами лица, во взгляде светится молодость, красивая, гордая. А походка! *Vera incessu patuit dea!* ‘Походка являет в ней истинную богиню!’» [3. С. 172]. Хотя речь героя Юрьева мало развернута в тексте, а латинская цитата появляется только один раз, мы можем сказать, что данное включение в речь античной цитаты говорит о его общекультурном уровне образования (знание мифологии, античных сюжетов и цитат). Мария Дмитриевна отвечает герою: «Не умничайте...» [3. С. 172], что говорит о принадлежности героини ко второй группе героев – опосредованно относящихся к языкам, античной культуре и не понимающих их.

Автор нередко использует в наррации и такие устойчивые фразы-латинизмы без перевода, которые являются терминами из какой-либо области знания, ставшие в настоящее время общепотребительными. Мы можем увидеть *ex tempore* («– Вот и чудесно! – обрадовался Платонов. – Я уже имел удовольствие с вами, молодой человек, дискутировать по этому вопросу. Отвечайте-ка без подготовки, *ex tempore!*») [3. С. 111]), *nota bene* («Когда председательствующий читал приговор мирового судьи, я тщетно пытался вспомнить свою речь. Дрожащими руками вынул из лязгнувшего портфеля записки – прочитывать ничего не мог, видел только, что много слов подчеркнуто, на полях то там, то здесь красовались *notabene*») [3. С. 153]) и *alma mater* («Мой патрон, когда я пришел к нему записываться новобранцем со значком *alma mater* и поглядывал украдкой, сидя у него в кресле, в зеркало, как счастливо сверкает в синем ромбе эмалевый крест, увенчанный орлом...») [3. С. 148]). Тема обучения и учения, значимая в контексте восприятия сюжета, связывается с функцией характеристики героев.

В тексте встречаются высказывания, которые, по замыслу автора, дополняются информацией в подстрочном примечании для более точного понимания фразы или термина читателем. В одном фрагменте вводятся уточнения в рассуждении Александра Васильевича об убийстве в мировой истории и понимании убийства в религии, где он приводит высказывания известных теологов Германа Бузенбаума и Петруса Алагоны. Например, «ещё более внятно и без обвиняков говорит о том же Петрус Алагона: „По повелению Божию можно убивать невинного, красть, развратничать, ибо Он есть Господин жизни и смерти, и всего, и потому должно исполнять Его повеление“» [3. С. 145]. В сносках видим указанный источник на латинском и русском языках, оригинал высказывания и его перевод: «См. *P. Petrus Alagona. Sancti Thomae Aquinatis Theologiae summae compendium. Romae, 1619. Ex prima secundae. Quaestio XCIV: De lege Naturali. Articulum 5: „Ex mandato Dei licet occidere innocentem, furari, fornicari, quia est Dominus vitae et mortis et sic facere efus mandatum est debitum“*. – П. Петрус Алагона. Суммарное изложение теологических трудов Фомы Аквинского. Рим, 1619. Вопрос XCIV: О естественном законе. Статья 5: „По повелению Божию можно убивать невинного, красть, развратничать, ибо Он есть Господин жизни и смерти, и потому следует, повинувшись страстям, исполнять Его волю“» [3. С. 145].

Большинство латинских слов и терминов передаются автором латиницей. Так, в речи группы героев с формальным отношением появляются юридические, риторические, медицинские и литературные термины: *corpus delicti* ‘вещественные доказательства’, *honorificus* ‘лицо, пользующее почетом’, ‘почётный’, *actio hypothecaria* ‘предоставление залога’, ‘ипотечный иск’, *pignoratitia* ‘поручительство путем предоставления залога’, *dominium* ‘собственность’, *possessio* ‘имущество’, *pater familias* ‘глава семьи’, ‘отец’, *jus vitae ac necis* ‘закон жизни и смерти’, *vir bonus dicendi peritus* ‘доблестный муж, искусный оратор’, *narratio* ‘изложение обстоятельств дела’, ‘рассказ’, ‘повествование’, *exordium* ‘вступление’, *peroration* ‘заключение’, *stultitia* ‘скудоумие, глупость’, *raptus melancholicus* ‘импульсивное действие в виде приступов’, *galea aponeurotica* ‘сухожильный шлем’, *curriculum vitae* ‘жизнеописание’, *vacuum horrendum* ‘наводящая ужас пустота’.

Но мы можем встретить термины, которые являются калькированными на русский язык: эмеритура (от лат. *emeritus* 'заслуженный'; «Я выйду на полный пансион с эмеритурой, вы – на половинный, и заживем себе мирненько» [3. С. 10]) и интермундия (от лат. *intermundia* 'пространство между мирами, обиталище богов' (по Эпикуру); «Муж желаний: – Это что же, братец, за интермундия? Ямщик: – Лета, барин! Переедем, а там уж недалече. [3. С. 10]).

Следует обратить внимание на латинские термины и цитаты, написанные и использованные автором в рамках сюжета с ошибками или изменениями.

Во-первых, их замечает знающий латинский язык читатель в наррации Александра Васильевича. Так, приписываемое Марку Туллию Цицерону высказывание *non vitia hominis, sed vitia saecul* 'недостатки века, а не человека' (лат.) передано с ошибкой и в измененной форме: «Любовь – сказал вринутый в темницу и снесь скуке – есть чувство, природою в нас впечатленное. Человек не целый день бывает человеком. Плоть похотствует на духа, дух же на плоть. *Non vitias hominis*» [3.С. 67]. Есть ошибка в согласовании предлога и падежа существительного (предлог «от» управляет родительным, а используется именительный) – «Чего же требовать от придурковатого *stultitia*...» [3. С. 90], а также в медицинском термине во фрагменте, когда герой рассуждает о периоде обучения на медицинском факультете – «Да и записался-то в студенты на медицину лишь в расчете на то, что даже самый плохой врач не остается без хлеба, приучился смотреть на аутопсию, познакомился с мускулами и фасциями, задолбил разные *masceter*...» [3. С. 279] (*musculus masseter* 'жевательная мышца').

Во-вторых, герой романа сам замечает ошибку и указывает на нее. Например, герой сам исправляет ошибку в известном высказывании, которое любил использовать, по мнению Гая Светония Транквилла, римский император Октавиан Август: «В третьем была запечатана латинская гимназическая мудрость. – У вас здесь ошибка, – скривил губы Лунин, прежде чем вскрыть конверт, – *ad calendas graecas* – в греках вы второпях пропустили Е» [3. С. 67]. Или Александр Васильевич замечает ошибку на афише: «На какой-то станции, пропахшей маслами и керосином, я, выйдя прогуляться по платформе, увидел афишу аттракциона – показывали бородастую женщину. С забавной ошибкой аршинными буквами было написано: „*Venus barbatus*“. Не знаю, что на меня нашло, я бросился за чемоданом и, благо, собирать особенно было нечего, успел выскочить из вагона, когда уже раздалась мелкая дробь второго звонка» [3. С. 335–336].

Но у Шишкина не всегда латынь используется настолько много. В романе «Венерин волос» (2005) выделяется на фоне других иностранных языков больше итальянский, чем латинский, так как большая часть событий происходит в Италии. Но латыни уделяется свое место как языку-основе итальянского.

Некоторые героини, например, Галина Петровна, или «Гальпетра», учительница толмача, знает латынь, античную культуру и ботаническую терминологию («Гальпетра преподавала ботанику и зоологию, в классе на подоконниках росли в горшках всевозможные растения. Она знала название каждого по-латыни и все время повторяла: – Растения – живые, а называются на мертвом языке» [4. С. 196]).

В романе автором создается особый образ героя – писателя, профессионального переводчика, знающего много иностранных языков, помимо русского, английский, швейцарский, немецкий, итальянский и латинский. Главный герой совмещает в себе три роли: писатель, толмач и переводчик как устных, так и письменных текстов. Для него является важным изучение языка и культуры, находясь не в родном пространстве, где он постигает чужое, а путешествие или проживание в чужой стране, непосредственное прикосновение к ее традициям, искусству и культуре. В Риме он различает «бормотание динамиков» на латинском и итальянском языках, читает латинские названия на храмах («И вот толмач с Изольдой стояли перед зданием, на котором было написано: „*Sancta sanctorum*“ 'Святая святых'» [4. С. 216], и замечает римские канализационные люки, на которых написано знаменитое «S.P.Q.R.» («Спятели даже канализационные люки, возомнили себя бог знает кем: куда ни ступишь, везде „S.P.Q.R.“ – „Senatus Populus Que Romanus“ 'Сенат и народ римский'» [4. С. 198]).

Таким образом, латинский текст в романе М. Шишкина «Взятие Измаила», использованный автором в разных видах и способах, отражает специфику вкрапления иностранного текста в современной художественной литературе. Общеизвестные латинские высказывания и термины выполняют различные художественные функции (создание колорита или контекста, передача атмосферы, характеристика героя, помощь читателю в восприятии и т.д.), а также показывают неугасаемый интерес современной литературы к наследию и культуре античности и латинскому языку.

Литература

1. Лашова С.Н. Принцип пазла: язык и хронотоп в прозе М. Шишкина // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 2010. № 6 (12). С. 186–190.
2. Рыбальченко Т.Л. Семантика структуры текста в романе М. Шишкина «Взятие Измаила» // Сибирский филологический журнал. № 2. 2003. С. 65–70.
3. Шишкин М.П. Взятие Измаила : роман / Михаил Шишкин. М. : Изд-во АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2020. 538 с.
4. Шишкин М.П. Венерин волос : роман. М. : Изд-во АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2020. 572 с.

Е.В. Тананушко, А.В. Морева

Национальный исследовательский Томский государственный университет

НЕМЕЦКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ КОРОНАВИРУСНОЙ ЭПОХИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

GERMAN NEOLOGISMS OF THE CORONAVIRUS ERA IN EDUCATION

Аннотация. Статья посвящена анализу немецких неологизмов коронавирусной эпохи, возникших в академическом дискурсе, а именно выявлению их особенностей, а также классификации неологизмов. Вся новая лексика, отраженная в данной работе, взята из пополняемого словаря неологизмов Института немецкого языка (Мангейм, Германия). Научная новизна заключается в классификации неологизмов академического дискурса, появившихся в эпоху коронавируса, а также в определении специфики их образования. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что наиболее продуктивным способом создания новых слов является словосложение, преимущественно с именами существительным и прилагательным в качестве первых компонентов.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the German neologisms of the Coronavirus era that arose in the education sector, namely, the identification of their features, as well as the classification of neologisms. All the new vocabulary reflected in this work is taken from the replenished dictionary of neologisms of the Leibniz Institute for the German Language (Mannheim, Germany). Scientific novelty lies in classifying neologisms of academic discourse that appeared during the Coronavirus era, as well as in determining the specifics of their formation. The attained results showed, the most productive way to create new words is compounding, represented by nouns and adjectives as the first components.

Введение

В 21 веке, когда считалось, что человечество способно контролировать все, вспышка коронавируса оказалась беспрецедентным явлением. Благодаря глобализации коронавирус охватил практически весь мир, оставив значительный отпечаток на нашем обществе. И заметнее всего это отразилось на языке.

Язык здесь является отражением новой, «дистанционной», реальности, которая охватила все сферы нашей жизни, и сфера образования не оказалась исключением: учебные заведения по всему миру перешли на удаленный формат обучения, который стал нормой почти на 2 года. Такие резкие перемены не могли не повлиять на язык, который формировался обществом, переживающим довольно тревожные времена, что и привело к возникновению неологизмов. Их изучение дает возможность сформировать представление о процессах, которые протекали в обществе. Таким образом, **целью** статьи является выявление особенностей неологизмов, возникших в сфере образования, а также их классификация.

Объектом исследования стали неологизмы эпохи пандемии коронавируса, возникшие в сфере образования. Неологизмы были отобраны из пополняемого словаря неологизмов Инсти-